

УДК 930.85+398.3(476)

«ПИРАМИДА» ВРЕМЕНИ: СТРУКТУРНО-АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ СИНХРОНИЗАЦИИ ПРИРОДНО-КОСМИЧЕСКИХ ЦИКЛОВ (НА МАТЕРИАЛАХ МИФОПОЭТИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ БЕЛОРУСОВ И КАЛМЫКОВ)

Котович Оксана Вениаминовна

кандидат культурологии, доцент,
доцент кафедры режиссуры Белорусского государственного
университета культуры и искусства
Минск, Республика Беларусь
E-mail: ksuscha90@mail.ru

Омакаева Элара Уляевна

кандидат филологических наук, доцент,
Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова,
Элиста, Российская Федерация
E-mail: elomakaeva@mail.ru

Аннотация

В данной статье впервые исследуется аксиологическая синхронизация космических циклов — в частности, движения Солнца, полного цикла лунных фаз и вращения Земли вокруг своей оси — в рамках традиционной белорусской и калмыцкой культуры. В исследовании используется структурно-аксиологический подход, демонстрирующий существование в рамках «пирамиды» времени особой типологии оценочных факторов. Выявляется, что независимо от масштаба цикла (годовой, месячный или суточный), временная структура, отмеченная четырьмя ключевыми фазами (зарождение, развитие, упадок, завершение), неизменно обладает идентичными качественными характеристиками. Модель «пирамиды» служит для иллюстрации первоначального, неделимого единства между священным Небесным Абсолютом и сакрализованным временем земного мира. Кроме того, в статье показано, как эта модель выходит за рамки временной организации, охватывая пространственную ориентацию и устанавливая прямую корреляцию между четырьмя сторонами света и архитектурой традиционного белорусского и калмыцкого жилища. В конечном итоге эта интеграция отражает единое мировоззрение, в котором космические ритмы, временные значения и пространственный порядок образуют целостную, гармоничную систему.

Ключевые слова

Космические циклы Солнца и Луны, модель синхронизации разноуровневых структур времени, аксиология темпоральных характеристик, «пирамида» времени, традиционная белорусская и калмыцкая культуры.

UDC 930.85+398.3(476)

«PYRAMID» OF TIME: A STRUCTURAL-AXIOLOGICAL MODEL OF SYNCHRONIZATION OF NATURAL-COSMIC CYCLES (BASED ON THE MYTHOPOETIC HERITAGE OF BELARUSIANS AND KALMYKS)

Oksana V. Kotovich

Candidate of Cultural Studies, Associate Professor,
Associate Professor of the Directing Department at the Belarusian
State University of Culture and Arts
Minsk, Republic of Belarus
E-mail: ksuscha90@mail.ru

Ellara U. Omakaeva

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor,
Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov,
Elista, Russian Federation
E-mail: elomakaeva@mail.ru

Annotation

This article, for the first time, examines the axiological synchronization of cosmic cycles — specifically the movement of the Sun, the full cycle of lunar phases, and the Earth's rotation on its axis — within the traditional culture of Belarusians and Kalmyks. The study employs a structural-axiological approach to demonstrate that within the “pyramid” of time, a distinct typology of evaluative determinants exists. It reveals that regardless of the scale of the cycle (annual, monthly, or daily), the temporal structure, marked by four key phases (origin, development, decline, completion), is consistently endowed with identical qualitative characteristics. The “pyramid” model serves to illustrate the initial, indivisible unity between the sacred Celestial Absolute and the sacralized time of the earthly world. Furthermore, the article demonstrates how this model extends beyond temporal organization to encompass spatial orientation, establishing a direct correlation between the four cardinal directions and the architectonics of the traditional Belarusian and Kalmyk dwelling. This integration ultimately reflects a unified worldview where cosmic rhythms, temporal values, and spatial order form a cohesive, harmonious system.

Key words

Cosmic cycles of the Sun and the Moon, synchronization model of multi-level time structures, axiology of temporal characteristics, “pyramid” of time, traditional Belarusian and Kalmyk cultures.

ВВЕДЕНИЕ

Как известно, категория времени является одним из базовых и универсальных понятий мироустройства. При наличии типологических черт она предстает по-разному в различных лингвокультурах, раскрывая глубинную суть мировоззрения и ценностных ориентиров этноса.

В традиционном народном календаре белорусов и калмыков, сохранившемся до начала XXI в., существует несколько систем измерения и упорядочивания времени, которые полностью соответствуют поступательным и разноуровневым изменениям природы и извечным, неизменным законам Космоса. Содержательной и структурной основой традиционного календаря была прямая соотнесенность с глобальными космическими ритмами, проследить и осмыслить которые помогали состояние окружающей природы и соответствующая ему направленность трудовой деятельности человека, прежде всего — земледельческие (для белорусов) и скотоводческие (для калмыков) работы. В формировании развернутой системы календарной событийности космогонический и прагматический аспекты были тесно переплетены между собой.

В основе как белорусской, так и калмыцкой модели освоения, структурирования и систематизации времени лежат определяющие космические факторы. Движение Солнца по небосводу, по зодиакальному кругу послужило основанием создания универсальной временной продолжительности, именуемой календарным годом (365,25 суток).

Вторым структурообразующим природно-космическим метрономом была Луна, которая за 29,53 суток проходила четыре фазы — полный цикл — разной его видимости с поверхности Земли и задавала ритмическую повторяемость времени длительностью в один месяц. Одна фаза Луны стала основанием для возникновения отрезка времени длительностью в неделю (7 суток). Синхронизация этих природно-космических циклов стала основанием возникновения солнечно-лунного календаря, получила широкое осмысление в различных мифологических системах, в которых противостояние Солнца и Земли стало основным космогоническим фактором миротворения, а бинарная оппозиция Солнца и Луны сфокусировала вокруг себя развернутую систему аксиологического восприятия времени.

Материалом для данного исследования послужили фольклорно-этнографические источники, неопубликованные материалы из личной картотеки и полевого архива авторов, а также работы ученых по данной проблематике, включая белорусских и калмыцких авторов (Омакаева, 1993; 1999; Омакаева, 2008; 2017; Омакаева, 2025; Чалбанова, Бичеев, 2025 и др.). Калмыки называют себя *улан залата хальмгуд* 'краснокисточные калмыки'. Красная кисточка как элемент мужского головного убора является важнейшим этническим символом калмыков (Шараева, 2017). Об этом писал еще в первой половине 19 в. Н. Нефедьев (1834: 140).

ОБСУЖДЕНИЕ

М. Элиаде провел и отметил содержательную параллель между их символизацией и принципиально полюсарное позиционирование в мифологическом сознании,

уточнив, что Солнце «всегда одно и то же, всегда равно себе, никогда ни в каком смысле не пребывает в становлении» (1999: 154). Тем самым ученый наделил его качествами Абсолюта: оно — как Бог, символ вечности, устойчивости, самодостаточности — всегда неизменно; только оно имеет право ежедневно бывать в мире предков («там», куда светило попадает ночью) и возвращается (!) (никому из живых совершить подобное не удавалось) в том же состоянии (внутреннее содержание) и внешнем виде, в котором вчера оно опустилось за горизонт, в мир инобытия. «Луна же, — продолжает исследователь, — прибывает, убывает и исчезает, — она — тело, подвластное всеобщему закону становления, рождения и смерти» (1999: 154). Подчеркивая своеобразие космических объектов и их космогонической функции в мифологическом сознании наших предков, М. Элиаде провел свою излюбленную «ватерлинию» между Абсолютом сакрального Поднебесья — иерофания Солнца, и линейностью профанного времени в Дольнем мире (мире человеческого бытия) — иерофания Луны. В связи с тем, что чередование фаз происходит с исключительной точностью и последовательностью, исследователь называет Луну «мерой ритмических изменений»: «Время, управляемое и измеряемое фазами луны, можно назвать “живым” временем. Оно связано с реальностью жизни и природы, дождями и приливами, временем сева, менструальным циклом» (1999: 154).

Исследователь истории формирования древних календарей Б. А. Фролов отмечает, что Луна, динамичная в своей изменчивости и постоянная в своей повторяемости, была более актуализированным объектом космической соотнесённости с трудовой деятельностью человека: «Судя по дошедшим до нас, изученным этнографически и астрономически архаичным календарным системам, именно с движением Луны сопряжены самые древние календарные единицы, а первобытная мифология мира к Луне обращается в целом значительно чаще, чем к Солнцу. И это неслучайно.

Луна — самое крупное небесное тело, которое может наблюдать невооруженным глазом житель Земли. При этом ни одно из небесных светил не претерпевает столь значительных изменений своей видимой формы, как Луна. В лунном цикле можно выделить несколько наглядных границ, рубежей, которые прежде других могли обратить на себя внимание древнего человека» (Фролов, 1993: 12–13).

С течением времени по отношению к небесным светилам белорусский и калмыцкий этносы сформировали развернутую систему ценностных маркеров, подкрепленную рядом ритуальных практик. Так, в тот момент, когда на небе восходило Солнце или появлялся-рождался новый Месяц, было принято снимать шапку и креститься, читать молитву, здороваться с небесными светилами; запрещалось говорить в их адрес плохие слова, слать проклятия, показывать пальцем, плевать. Иначе небесные силы накажут невоспитанного человека (Зямля стаіць, 1996: 49–52; Славянские древности, 2004: 144–145).

Отношение человека к циклическим изменениям Солнца и Луны нашло отражение в преданиях и легендах: «*Мэсяцу Бог вялёў свяціць людзям уночы, покуль сонежка спачывае, толькі мэсяц гультаяваты, ён кэпска свеціць, за тое Бог вялёў, каб ён кожныя чатыры нядзелі перараджаўся... адну нядзелю малады, другую расце аж да поўна, трэйцюю поўны, а чацьвёртую саўсім прападае*» (Легенды і паданні, 1983: 44). Свет Луны в отличие от солнечного («*Сонежка — гэта агонь, што грэе нэба*») (Зямля стаіць, 1996: 51) всегда считали опасным и даже вредным для

человека (если беременная женщина будет спать под «лунным» светом, ее ребенок родится лунатиком и будет страдать всю жизнь от бессонницы (Жыцця адвечны лад, 1998: 74–75). Оба небесных светила сопоставляли друг другу, наделяли чертами человека и даже объясняли их неделимость определенной степенью родства. В колядных песнях Солнце и Месяц величали супругами: «*Мой бацька — ясны месяц, мая маці — краснае сонейка...*»; в свадебных песнях — женихом и невестой; в преданиях — родными братом и сестрой. Злые силы разлучили их, но однажды они встретились и полюбили друг друга... После того, как их брак оказался невозможным, Луна бежит от Солнца, увидев его на небосклоне, и появляется только ночью. Тот же мотив запрета инцеста составляет смысловую основу загадки: «*Сястра́ да бра́та ў го́сці ідзе́, а брат ад яе хавáецца*».

Размышляя о тесной взаимосвязанности двух небесных светил, которые оказывали судьбоносное влияние на человечество, М. Элиаде замечает: «Конечно, интеграция человека в Космос может совершиться, только если он приведет себя в гармонию с обоими астральными ритмами, “соединив” Солнце и Луну в своем живом теле. Это “объединение” обоих центров священной и естественной энергии имеет целью ... воссоединить их в том первоначальном недифференцированном целом, каким оно было, когда еще не было разорвано актом, создавшим Вселенную... Цель этих аналогий — прежде всего соединить человека с ритмами и энергиями Космоса, а затем объединить эти ритмы, слить центры и в конце концов совершить тот прыжок в трансцендентное, который становится возможным, когда все “формы” исчезают и восстановлено первоначальное единство» (1999: 175).

Итак, Солнце задавало проекцию глобальных космических ритмов, а Луна влияла на прагматику повседневной человеческой деятельности (Котович, 2020: 59). Календарь белорусов и калмыков можно считать солнечно-лунным.

СТРУКТУРА И АКСИОЛОГИЯ СОЛНЕЧНОГО ЦИКЛА

По мнению известных исследователей в области естественных наук, именно движение Солнца по небосводу стало одной из важнейших структурообразующих составных традиционного народного календаря. Солнце задавало принципиальную модель календарного мироустройства, порождало макроритмическую последовательность сезонных трансформаций, фактически подчиняло себе циклическую последовательность хозяйственной деятельности человека.

В своем годовом цикле Солнце проходит четыре фазы, к каждой из которых в культуре социума было приурочено развернутое во времени и пространстве празднование (Рис.1).

День зимнего солнцестояния с древности и у белорусов, и у калмыков считается магическим временем. В калмыцкой культуре он связан с праздником «**Жилин эзн**» («Хозяин года»).

Последний день зимнего солнцестояния — вечер 24 декабря — в этнокультурной традиции белорусов стал началом двухнедельного празднования *Коляд*: «*Прыйшли́ Каля́ды ўвэ́чары, увэ́чары, прыне́слі кілба́сы ў рэ́шаце, у рэ́шаце*».

Диаметрально противоположно (когда Солнце находится в наивысшей точке своего расцвета) — в день летнего солнцестояния праздновали *Купалье*: «... Сам Бог агонь расклаў...». Ко дню весеннего равноденствия, когда день равнялся с ночью, некогда было приурочено празднование новолетия (*Вялікодзень*=*Ярыла*), о чем свидетельствуют песни-гимны волочешников: «*Пяне гаспадару, пёсня спёта... прѳіці нѳва лёта...*». День осеннего равноденствия соотносился с окончанием сбора урожая — праздник *Багач*: «*Улажылі пѳле нязмѳранае, увазілі вазы незлічѳныя*» (Паэзія беларускага, 1992: 110, 187, 229, 465).

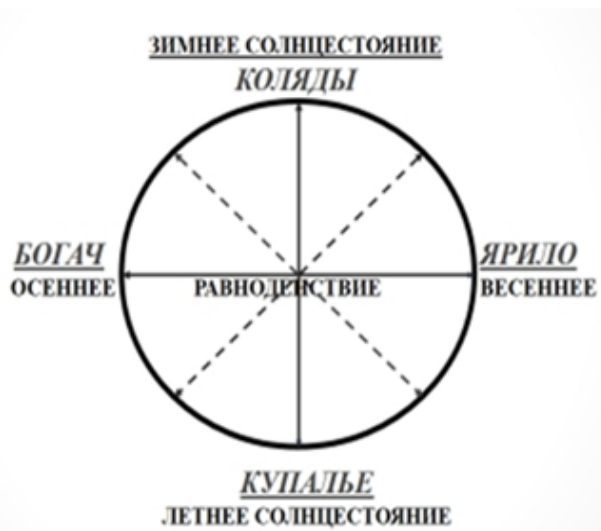

Рис. 1. Белорусские народные праздники, приуроченные к основным точкам в движении Земли вокруг Солнца

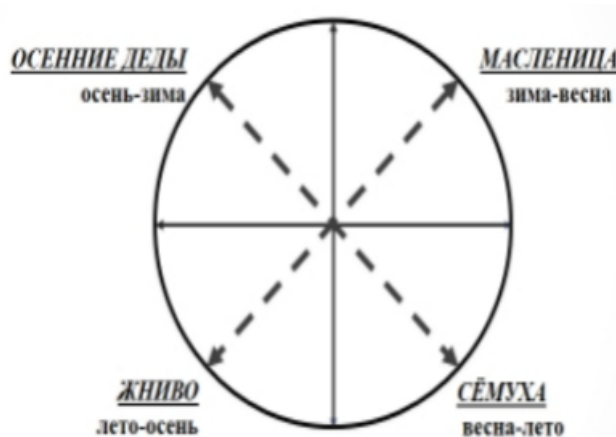

Рис. 2. Межсезонные или «переходные» праздники белорусского народного календаря

Еще четыре ритуально-обрядовых комплекса отмечались в равных промежутках между фазами Солнца и соотносились с моментами перехода одного времени года в другое. Завершение зимы и начало весны отмечались празднованием *Масленицы*; весенне-летнее пограничье отмечено двухнедельным ритуально-обрядовым ком-

плексом *Зялёных свят* (*Сёмуха, Русальная неделя*). Летний цикл обрядов завершался празднованием *Дажынак* (*Зажинки, Жниво, Дожинки*), а заключительным праздником всего календарного года были *Восеньскія дзяды* — день почитания умерших родственников (Котович, Круг, 2019: 58) (Рис. 2).

Все восемь точек зодиакального движения сопровождалось сложнейшими ритуально-обрядовыми практиками, которые наделялись сакральным статусом миротворения. Ритуальный диалог с миром Поднебесья указывал, что «время» Вечности как будто облаком накрывало линейное время Дольнего мира, а профанные сельскохозяйственные, домашние и семейные хлопоты оказывалось табуированным. Основной ценностью бытия социума в эти моменты было воспроизведение мифа-архетипа эпохи первотворения с целью улучшения благополучия, продолжения рода и поминовения предков.

СТРУКТУРА И АКСИОЛОГИЯ СУТОК

В традиционной культуре как белорусов, так и калмыков существует совокупность регламентаций, запретов и ограничений, касающихся одного, отдельно взятого дня (суток) в структуре календарного года, прежде всего того дня, который наделен высоким обрядовым статусом (календарный праздник, день рождения ребенка, смертью кого-то из родственников и т.п.). В данном случае нас интересуют сутки — еще один цикл, созданный Солнцем и вращением Земли вокруг своей оси — с позиций его внутренней структуры и аксиологии ее составляющих компонентов.

День вместе с ночью образует сутки — самую динамичную временную единицу, которая базируется на противостоянии и принципиальной неделимости световой и темной частей: *«Бог создал день и ночь из двух клубков, связанных друг с другом: когда он отматывал от белого клубка, был день, а когда от черного ночь; когда Господь из черного клубка наматывал на белый, день уменьшался, а ночь становилась длиннее и наоборот...»* (Паэзія беларускага, 1992: 217). Эта символическая оппозиция признает природное равновесие между двумя составными, образующими единое целое («первоначальное единство»).

В ценностном отношении структурные сегменты суток совершенно неоднородны. Каждая единица осознавалась путем вычленения ряда характерных черт, которые широко отражены в мифопоэтическом наследии, обрядовой практике, в поведенческих стереотипах. Рудименты мифологического восприятия времени содержит зачин калмыцкого героического эпоса «Джангар».

Однако при этом следует сделать существенную оговорку. Э. Кассирер точно отмечает одну из особенностей мифологического мышления, которую необходимо учитывать в процессе анализа разноуровневых единиц времени: «Если мы начнем с категории количества, то достаточно будет вспомнить ... неспособность мифологического мышления провести четкую грань между целым и его частями, поскольку для него часть не только *представляет* целое, но и прямо-таки есть это целое» (2002: 80).

Н. И. Толстой подчеркивает, что каждая структурная единица суток имеет два аспекта осмысления. С одной стороны, в ней отражено собственно природное начало, с другой — преобладает социокультурная составная: «...дело разума, восприятия и опыта человеческого» (Толстой, 2003: 27). Наши предки точно соотносились

с природно-космической динамикой, но вместе с тем в значительной степени сами конструировали временное пространство с помощью соответствующих обрядовых действий, словесных формул, атрибутов, имевших в культуре статус сакральных. Однако при этом определяющим фактором все же являлось исходное природное явление (Рис.3).

Каждое время суток несет определенную смысловую нагрузку. Так, утро связано с семантикой начала. Счет суточного времени у калмыков ведется с 3 часов утра (ранние утренние сумерки), затем наступает рассвет (утренняя заря), далее — время восхода солнца, предполуденное время (малый полдень), полдень, послеполуденное время, время захода солнца, сумерки, полночь.

Восход Солнца позиционировался как самое сакрализованное время в структуре суток: *«Прыйшла бѣла кобыла, увесь свѣт побудыла»* (Записки ИРГО, 1890: 173). Он стал своеобразным этнокультурным ядром, вокруг которого концентрировалось наибольшее количество магически-обрядовых контекстов. В основе такого отношения лежит фундаментальный принцип исключительного, знакового отношения к моменту начала дня как исходной точки отсчета того мифологического времени, который был непосредственным образом связан с началом творения мира и его идеальной безупречностью, когда не было бед, болезней и несчастий. Время первотворения становилось священным временем, связанным с всеобъемлющей трансформацией природного хаоса в культурно-историческую гармонию.

Именно эти обстоятельства и условия сделали момент рождения нового дня наиболее благоприятным для выполнения обрядовых действий лечебной и профилактической направленности: *«Пѣрад усходам, на захадзе Сонца і зноў назаўтра пѣрад самым усходам...»*; *«замоўленую ваду даваць піць і ёю абмываць твар і грудзі тры разы пѣрад усходам сонейка»* (Замовы, 1992: 510, 541). В сказочном эпосе белорусов широко представлен мотив статусной исключительности восхода Солнца или утра, суть которого отражена в фразеологизме, ставшем мировоззренческой сентенцией: *«вўтра будзе мудраней вѣчара»* (*Чарадзейныя казкі*, 1978: 26). Верили, если прийти на *Радовницу* (весенний день поминания умерших) на кладбище раньше всех, то в течение года этому человеку Небеса будут способствовать во всех делах: *«На Радаўницу мы на моголкі ходзім да ўсходу Сонца»*. Такое же сакральное отношение в жизни народа сохраняется к рассвету 6 мая, когда святой Юрий «адмыкае» Землю. Восход и заход Солнца для крестьянина были *«Божай мэрай працы ў полі»* (Зямля стаіць, 1996: 256). Ритуальная «чистота» момента восхода Солнца делала его самым благоприятным для всевозможных сакральных и сакрализованных действий, ориентированных на отдаленную перспективу: *«Какая хозяйка на Коляды раньше в печи вытопит, та будет целый год иметь прибыток»* (Богданович, 2009: 21).

Промежуток времени *от восхода Солнца до полудня* воспринимался все тем же «эхом» начала в различных сферах человеческой деятельности и получил название *утро*: *«Павутру ён устаў, умыўся і Богу памаліўся і на ўсё чатыры стараны пакланіўся»* (*Чарадзейныя казкі*, 1978: 215).

Общая оценка *полудня* была скорее всего негативная. Чаще всего он не воспринимался как самодостаточная единица времени, а находился в неразрывной связи со своей противоположностью — *полночью*: *«Шо пoldзень, шо пoldсеред ночы — одне»* (Славянские древности, 2009: 215). Эти временные точки считались переходными,

опасными и сопровождались регламентациями, запретами и ограничениями, которые должны были уберечь человека от всевозможных неприятностей. В повседневной жизни в период от *полудня и до заката* преобладало хозяйственное начало, наводили порядок в доме: «Той, хто выно́сіць сме́цце з ха́ты пасля за́хаду сонца, “выно́сіць” сваю́ па́ру» (Зямля стаіць, 1996: 331).

Рис. 3. Поляризация структурных единиц суток

Если *восход* Солнца ассоциировался с началом жизни, пробуждением, то его *закат* рассматривался как завершенность, окончание, угасание природных и жизненных сил. Соответствующие названия этого момента времени находим в лексическом фонде белорусского языка: *пры́цемак*, *змрок*, *змяркáнне*, *ма́рава* — слова, семантически родственные с именем древнеславянской богини Мораны, которую связывали «с воплощением смерти, с сезонными ритуалами умирания и воскрешения природы» (Мифы народов мира, 1988: 111). В народном сознании весьма выразительно прослеживаются коннотации космических и антропокосмических временных сегментов. Н. Я. Никифоровский отмечает: «если ребенок родился во время от полуночи до полудня, то он скоро начнет ходить... и будет “долговечным”, “недолговечными” и “незадачливыми” рождаются... особенно во время заката Солнца» (Простонародные приметы, 1897: 11–12).

В структуре суток сегмент *от заката до полуночи* статичен в точке своего окончания — полуночи. Закат Солнца останавливал все сельскохозяйственные хлопоты, накладывал запрет на многие виды деятельности: сеять, сажать, складывать дрова, мести двор, убирать в доме; продавать домашний скот (увести купленное животное со двора можно было до обеда следующего дня; если в доме находился умерший, то после захода Солнца запрещалось плакать и голосить (Славянские древности, 2004: 213). Этот период занимал положение, противоположное восходу Солнца, что отчетливо прослеживается в лексическом фонде этноса: *зо́лак*, *світа́нак*, *ра́ніца* — утро (движение навстречу Солнцу, свету, для путешественника — счастливые минуты отправляться в путь); *вечер*, *мрак*, *це́мра* — тьма (сопровождает конец дня или определенного периода жизни). С наступлением

ночи начиналось время царствования демонических сил, проведения обрядов негативной направленности. Перед сном читались молитвы и оберегающие заговоры: «*Лажуся спаць, па бакам ангелы храняць. Ангелы-храніцелі, храніце да поўначы, Божая Маці — да свёту, а Гёспадзі — да канца веку*» (Замовы, 1992: 127).

Полночь белорусы называли *глухім часам*. Она воспринималась как «символическая граница между старыми и новыми сутками, “разрыв” времени, когда старый период закончился, а новый еще не начался; момент абсолютной неподвижности времени, пространства, стихий, биологических процессов, эмоций». Считали, что в это время прекращается течение воды в реке, не лают собаки, не поют петухи, не рождаются дети, животные (Славянские древности, 2009: 142).

Период *от полуночи до восхода* Солнца, как и все остальные сегменты суток, имеет подвижные границы в зависимости от времени года и долготы дня. Самым опасным считалось время *от полуночи до третьих петухов* за неуловимую связь с потусторонним миром и одновременно актуализацией своеобразного коммуникационного канала, когда «открываются Небеса» и человек может вымолить любое желание. Этот период получил название *некрануты час* (нетронутое время) (Славянские древности, 2009: 142).

Мифопоэтический образ суток сфокусировал в себе основные традиционные представления о времени как этнокультурном феномене. Классическая схема солярной цикличности содержит в своей основе четырехконечный крест, который выявляет концепт времени в его структурной полноте и ценностной целостности. В структуре суток четко проявляется дуальный принцип ценностных противостояний, где, с одной стороны — оппозиции *восход — закат* и *полночь — полдень*, с другой — созданная ими бинарность более высокого уровня, на одном полюсе которой оказалась пара *восход-закат*, а на другом — *полночь-полдень*.

Таким образом, анализ ценностных характеристик, регламентаций, ограничений и запретов, связанных с осознанием смысловых горизонтов структурных единиц суточной упорядоченности, убедительно показывает, что существует тесная взаимосвязь между календарным годом и сутками. Причиной тому стал один и тот же космический объект — Солнце. В этой связи можно констатировать, что сутки — это свернутый в самую малую единицу космического времени самый большой по размерам космический цикл. И наоборот, календарный год — это максимально развернутая космическая проекция суточного упорядочивания времени.

СТРУКТУРА И АКСИОЛОГИЯ ЛУНАРНОГО ЦИКЛА

В мифологических представлениях, мифопоэтических текстах белорусов Луна всегда противопоставлялась Солнцу и ассоциировалась с миром умерших: «*Што гэта за вóчы: адно свёціць удзень, а другое — уночы*», предполагали, что Луна светит «*чужым, хто не знае божай вёры*» і называлі *цыгáнскім сóнцам*.

Полный цикл Луны состоит из следующих фаз: Новолуние, *Мёжы*, *Чарнёц* — «переходная» фаза Месяца; 1-я четверть или р-астущий Месяц, *Маладзік*, *Маладзёна*; 2-я четверть — Полнолуние, *Поўня*; 3-я четверть — убывающий Месяц, *С-тарык*, *Збыта*, *Вётах* (Рис. 4). Каждая фаза соотносилась с широким кругом представлений и являлась своеобразным культурно-деятельностным кодом, в соответствии с

которым проводились сельскохозяйственные, строительные работы, безграничное количество ритуально-обрядовых действий в сфере медицины, ветеринарии, делались отдаленные по времени предсказания о будущем (Катовіч, 2020: 189–196).

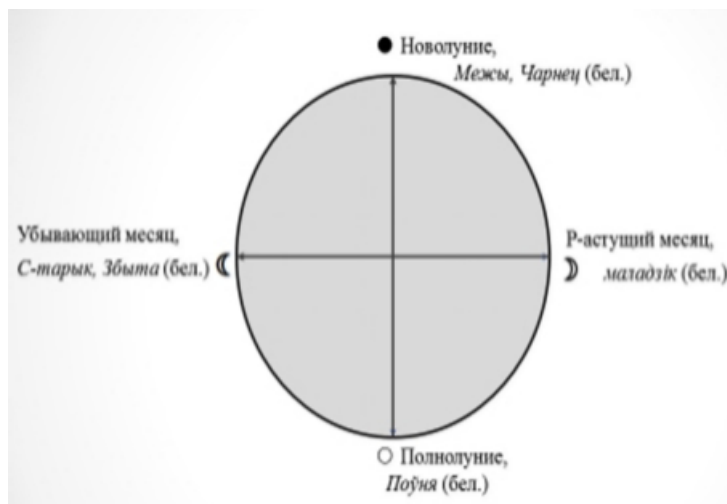

Рис. 4. Поляризация и графические изображения фаз Луны

В осмыслении сущности каждой фазы Луны следует иметь в виду неделимость пространственно-временного континуума, в котором время осознается с помощью пространственных координат и наоборот. Так, в бинарной оппозиции *мое, свое / не мое, чужое* полярные локусы наделялись амбивалентными качественными характеристиками. Особым нагнетанием негатива наделялись локативные разрывы — пограничье (граница, межа, разделявшая поле, свое и чужое хозяйство) и считались опасными для жизни человека: «*Не ляжы́ на мяжы́, хваро́бу наклі́чаеш*». В этом же аксиологическом ряду стоит «граница» между убывающим, *ста́рым* и *малады́м* Месяцем, которая получила у белорусов пространственное название — *Межы*. Верили, что тот момент, когда Бог не смотрит на Землю ни одним глазом (Луна и Солнце считались глазами Бога), способствует нечистой силе (колдунам, чародеям) творить свои «темные», т.е. не освещенные ни Солнцем, ни Луной дела. В этом случае предопределяющую роль играл фундаментальный смыслообразующий принцип белорусской народной культуры «подобное вызывает подобное»: отсутствие светила в ночном небе или «космическая пустота», могли спровоцировать «пустоту» как в семейной жизни (дети, появившиеся на свет в это время, не будут иметь свое продолжение), так и в трудовой деятельности человека (Котович, Круг, 2019: 63). С. М. Толстая приводит несколько языковых стереотипов, в которых довольно выразительно отображено отношение белорусов к этому времени: «*пусты́я дні*»; «*ні то, ні сё; ні сяго, ні таго; ні сяке́, ні такé*» (Толстая, 2005: 156, 200).

Совершенно иначе белорусы относятся к *маладзіку́*, фазе, которая ассоциируется с началом, ростом, прибавлением: «в *маладзіко́вы ты́дзень* в Беларуси обычно начинают сеять, жать, косить и выполнять другие сельскохозяйственные работы». Самыми благоприятными для семейных и хозяйственных дел днями наши предки считали дни, максимально приближенные к *полнолунию*, — «*каб месяц оду́жыў*».

Верили, что существует непосредственная связь между этнической ойкуменой и космосом, поэтому, опираясь на принцип подобия, полагали: «*Як мѣсяц на нѣбе расцѣ, прыбываѣе, так і шчасце, дабрабыт, грóшы, здарóўе ў хаце і сям'і будуць прыбыва́ць*»; «*Пѣрад пóўняю сáмы лѣпшы час... сеяць і саджаць у агародзе, сячы лес на будоўлю, ... хату закладваць, каб была, як кажучь, пóўнаю чáшаю*» (Зямля стаіць, 1996: 35, 49). Свадебное пожелание звучит именно так: «*Жада́ем шчасця пóўню*».

Про полнолуние белорусы говорили так: «*У мясяцóвай пóўні таямні́ц пóўна*»». В эту фазу было сфокусировано мифологическое осмысление Луны целиком, и ее влияние как на человека, так и на все окружающее. Было замечено, что в полнолуние растения и деревья «наполнялись» живительной влагой, поэтому в это время не заготавливали дрова или строительный материал для нового дома, — «*усё пагні́е*»; не обрезали, не прививали деревья; запрещалось брать в долг или отдавать своё, чтобы не вынести из дома «*сваю́ пóўню*», т. е. счастье, благополучие. Вместе с тем в характеристике полнолуния были и положительные моменты: советовали класть новую печь, «*каб усю́ды было́ пóўна*»; начинать сев, чтобы «колос был полным»; сеять или сажать «круглые» овощи (тыкву, капусту); заниматься запасами, «*што́б усю́ды было́ пóўна ўся́кага да́бра*» (Зямля стаіць, 1996: 49, 314, 321; Простонародные приметы, 1897: 137; Славянские древности, 2004: 149).

Неблагоприятной для проведения сельскохозяйственных, домашних работ, для перспектив будущей жизни считалась третья четверть Луны, которую называли *збы́та, стары́к, на схóдні, вѣтах*. Символика «уменьшения» обуславливала характер работы: занимались прополкой, пасынкованием растений, «подстригали» деревья; уничтожали вредителей садов и огородов и т.п. Вместе с тем «...третья четверть и новолуние считаются временем, неблагоприятным для ... полевых работ. В это время крестьянин ... не начнет ни пахать, ни возить навоз, ни сеять». Недаром говорили: «*Пасе́яўшы на схóду, не дажы́да́й плóду*». На убывающий месяц избегали устраивать свадьбы, новоселье, отправляться в путешествие, руководствуясь мудрыми словами: «*Як пóйдзе мѣсяц на збы́т, дак навывлы́ваѣе ўсяля́кае няшчáсце на свѣт*» (Славянские древности, 2004: 149-150, 245; Шейн, 1890: 243).

Сравнительный анализ структуры циклической повторяемости, в основе которой лежали различные космические ритмы, убедительно свидетельствует о том, что каждый из них имеет один и тот же темпоральный рисунок. Универсальная сегментация, которую задает сам космос, в каждом случае кратна числу четыре, или, если говорить с позиций феноменологии, в основе каждой конфигурации лежат две бинарные оппозиции, в том числе и аксиологические (Мифы народов мира, 1987: 613–614).

Чтобы более выразительно показать структурную соотнесенность разноуровневых циклов и тождество ценностных характеристик на макро-, медиа- и микроуровнях, используем изображение пирамиды, в основе которой лежит квадрат. Четыре грани пирамиды ориентированы по сторонам света (они сохраняют ценностное тождество на всех уровнях сегментации времени), а каждая ступень по направлению к вершине — это различные космические циклы. В основании этой пирамиды положен самый длительный — годовой — цикл движения Солнца по небосводу, который задает смену времен года и дихотомию профанного и сакрального времени. Следующим ярусом пирамиды или уровнем космической цикличности

является полный цикл фазовых изменений Луны. На вершине пирамиды представлен символ суточной цикличности Солнца, основу которого на самом деле составляет полное обращение Земли вокруг своей оси.

Исключительной историко-культурной ценностью является открытие греческого астронома Метона (III ст. н. э.), который нашел период в 19 лет, объединяющий солнечный и лунный циклы, обнаружив определенные внутренние взаимосвязи между ними (Климишин, 1985: 129–130). Т. И. Шамякина констатирует: «Можно без преувеличения сказать, что это — одно самых гениальных открытий в истории человечества: соединение двух главных сил, от которых зависит человеческая жизнь на Земле» (Шамякина, 2005: 82).

Образ пирамидального «складывания» разномасштабных периодов солярной и лунарной цикличности дает возможность сделать существенное дополнение и добавить к временным координатам континуума пространственные. В таком случае каждая грань пирамиды, на которую «наназывались» временные характеристики, получает пространственную соотнесенность со сторонами света, в результате чего становится понятным, что временные номинации структурирования суток в языковой картине мира оказываются вполне тождественны названиям соответствующих сторон света. Заход Солнца в сутках — это запад в пространственной ориентации, его восход — это восток, макушка дня — полдень — это юг, и полночь — это север (Рис. 5).

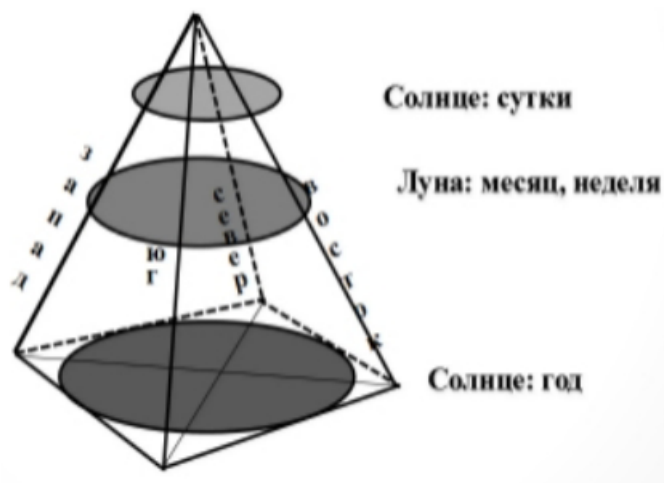

Рис. 5. Соотнесенность координат времени и пространства

Однако и это еще не все. Пространственно-временной континуум, будто жесткий каркас, удерживающий мифопоэтическую картину мира, оказал влияние и на ориентацию по сторонам света традиционного славянского, а также калмыцкого жилища.

Когда калмыки были кочевниками, они жили в сборно-разборных войлочных кибитках (юртах), представлявших своеобразную пространственную модель мира. Кибитка (юрта) условно делилась на четыре части в соответствии со сторонами света.

Кибитка являла собой модель солнечных часов: по месту падения солнечного луча через дымовое отверстие юрты определяли точное время дня. Внутренняя

планировка условно состояла из 12 частей, соответствовавших 12 часам суточного животного цикла. Так, первый солнечный луч попадал в кибитку через дымник в утренний час Зайца (*Туула цаг*).

Древнекитайский поэт Бо Цзы является автором своеобразного гимна жилищу кочевников. Там есть такие строки: *«Я вельможным княжеским родам Юрту за дворцы их не отдам».*

«Соотнесение четырех стен жилища с четырьмя сторонами света не вызывает сомнений», — отмечает А. К. Байбурин (1991: 163). Так, у славян на север была направлена глухая, т. е. без окон, стена дома. И наоборот, самая светлая его часть, где располагался красный угол, была сориентирована на восток — чтобы видеть каждый новый восход солнца. На юг «смотрели» окна, выходящие во двор, где в летний день семья встречала полдень, чтобы отдохнуть и пообедать. По диагонали от красного угла, на западе, строилась печь, которая всегда была в непосредственной близости от порога и подпола (погреб: «у восточных славян место погребения мертворожденных и некрещеных детей, выкидышей, последа, пуповины и др. от женщины после родов» (Славянские древности, 2009: 103). Запад всегда ассоциировался со смертью. Считалось, что души умерших отлетают на запад, поэтому умерших хоронят головой на запад (Славянские древности, 1995: 446), и приговаривают: «закатилось ясно солнышко», что соответствует ежедневному закату Солнца. «Вся Вселенная видится как структура, подчиняющаяся определенным законам. Мир — уже не бесконечное пространство, заполненное деятельностью множества разъединенных, самостоятельных существ; внутри этого пространства можно видеть соответствие и взаимную слаженность», — подытоживает М. Элиаде (1999: 155) (Рис.6).

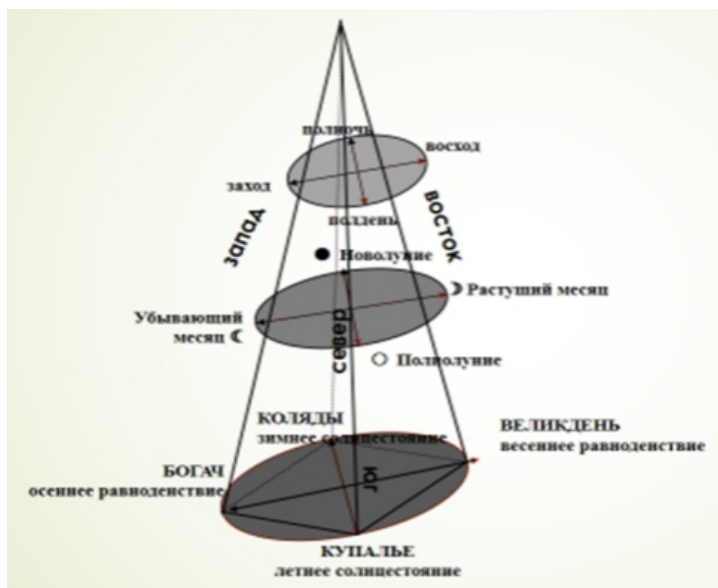

Рис. 6. Универсальная амбивалентность координат времени и пространства

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в белорусской и калмыцкой этнокультурных традициях отчетливо прослеживается наличие многоуровневой синхронизации временных длительностей, которая задавалась циклической повторяемостью Солнца и Луны. Универсальное структурное сходство, которое держалось на двух бинарных оппозициях, оказалось устойчивым на протяжении многих веков, потому что опиралось на единые лингвистические факторы, на то ценностное тождество, которое вобрало в себя разномасштабные по времени процессы.

Итоговый результат этого процессуального тождества сфокусирован в структурно-аксиологической модели традиционного жилища, внешние контуры которого напоминают все ту же пирамиду. А если пространственные координаты жилищного космоса перевести в координаты времени, то становится очевидным, что модель дома как модель Мирового Древа соединяет в себе поднебесную трансцендентную Вечность и сакрализованное (наполненное обрядовыми практиками) время Дольнего мира, тем самым подводя нас к идее первоначальной недифференцированности Вселенной (целого).

Проведенный нами анализ позволил выявить много общего в представлениях о времени, закрепленных в белорусской и калмыцкой лингвокультурных картинах мира.

Литература

- Байбурин, А. К. (1991). *Жилище в обрядах и представлениях восточных славян*. Ленинград: Наука.
Богданович, А. Е. (2009). *Пережитки древнего мирозерцания у белорусов: этногр. очерк*. [Факс. воспроизведение изд. 1925 г.]. Москва: Слава.

Записки ИРГО по Отделению этнографии. XIII, 3 (1890): Пинчуки: Этнографический сборник: песни, загадки, пословицы, обряды, приметы, предрассудки, поверья, суеверья и местный словарь / собрал в Пинском уезде Минской губернии Д.Г. Булгаковский. СПб.: Типография В. Безобразова и К°.

Кассирер, Э. (2002). *Философия символических форм: в 3 т.* Москва; Санкт-Петербург: Университетская книга. 2: Мифологическое мышление.

Климишин, И. А. (1985). *Календарь и хронология*. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Наука.

Котович, О. В. (2020). Космос и время культуры: гармония отношений Солнца и Луны (аксиологический аспект). *Этническая культура в современном мире: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию образования Чуваш. автоном. обл. / Чуваш. гос. ин-т культуры и искусств; ред. кол. Л. П. Кураков (гл. ред.) [и др.]. Вып. 1. Чебоксары. 54–60.*

Котович, О.В., Крук, Я. (2019). *Сакральный мир традиции. 99 уроков народной культуры*. Минск: Адукацыя і выхаванне.

Мифы народов мира: энциклопедия в 2 т. (1987). Гл. ред. С.А. Токарев. Москва: Советская Энциклопедия. 1: А–К.

Мифы народов мира: энциклопедия в 2 т. (1988). гл. ред. С. А. Токарев. Москва: Советская Энциклопедия. 2: К–Я.

Нефедьев, Н. (1834). *Подробные сведения о волжских калмыках, собранные на месте*. СПб.: Тип. Карла Крайя.

Омакаева, Э.У. (1993). Культ небесных светил у калмыков. *Тез. докл. I Междунар. конф. «Традиционные культуры и среда обитания»* (г. Москва, 15–19 мая 1993 г.). Москва. 150–153.

Омакаева, Э.У. (1999). Время и календарь в традиционной культуре. *Тез. докл. Всерос. науч. конф. «Мир культуры, истории и философии»* (г. Санкт-Петербург, 30–31 октября 1999 г.). / Под ред. А.Б. Островского. СПб.: Лань. 76–78.

Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды, легендарные сказания о лицах и местах Витебской Белоруссии (1897) / собрал в Витебской Белоруссии Н. Я. Никифоровский, действительный член Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии и действительный член Витебского губернского статистического комитета. Витебск: Губернская Типо-Литограф.

Славянские древности: этнолингвистический словарь в 5 т. (1995) / Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения и балканистики; под общ. ред. Н. И. Толстого. Москва: Международные отношения. Т. 1: А — Г.

Славянские древности: этнолингвистический словарь в 5 т. (2004) / Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения и балканистики; под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения. 3: К (Круг) — П (Перепелка).

Славянские древности: этнолингвистический словарь в 5 т. (2009). / Рос. акад. наук, Институт славяноведения и балканистики; под общ. ред. Н. И. Толстого. Москва: Международные отношения. 4: П (Переправа через дорогу). С (Сито).

Толстая, С. М. (2005). *Полесский народный календарь*. Москва: Индрик.

Толстой, Н. И. (2003). *Очерки славянского язычества*. Москва: Индрик.

Фролов, Б. А. (1993). Происхождение календаря. *Календарь в культуре народов мира*. Сборник статей. Москва: Наука «Восточная литература». 7–36.

Чалбанова К.В., Бичеев Б.А. (2025). Реликты древнего культа Солнца в фольклорной и обрядовой традиции калмыков. *Научный диалог*. 14(1). 284–303.

Шараева, Т. И. (2017). К вопросу об этнических маркерах калмыков: улан зала. *Монголоведение (Монгол судлал)*. 10. 181–190.

Шейн, П. В. (1890). *Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края*: [в 3 т.] / собранные и приведенные в порядок П. В. Шейном. Санкт-Петербург, [1887–1902] (Типография Императорской Академии наук). 1. 2: Бытовая и семейная жизнь белоруса в обрядах и песнях.

Элиаде, М. (1999). *Очерки сравнительного религиоведения*: пер. с англ. М. Элиаде; отв. ред. В. Я. Петрухин. Москва: Ладомир.

Жыцця адвечны лад (1998). / уклад., прадм. і пер. У. Васілевіча. Мінск: Маст. Літаратура. Беларускія народныя прыкметы і павер'і. 2.

Замовы (1992). Акад. навук БССР, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору; [рэдкал.: В. К. Бандарчык, К. П. Кабашнікаў, А. С. Фядосік; уклад., уступ. арт. Г. А. Барташэвіч]. Мінск: Навука і тэхніка.

Зямля стаіць пасярод свету (1996). уклад., прадм., пераклад, бібл. У. Васілевіча. Мінск: Маст. літ. (Беларускія народныя прыкметы і павер'і; кн.1.)

Катовіч, А. В. (2020). Іерафанія месяца як структураўтваральны фактар парадкавання часу. *Сучасні тэндэнцыі развітку освіти й науки: проблеми та перспективи*: зб. наук. праць [гол. ред. Ю. І. Колісник-Гуменюк]. Київ–Львів–Бережани–Гомель. 7. 188–197.

Легенды і паданні (1983). [склад.: М. Я. Грынблат, А. І. Гурскі ; рэдкал.: В. К. Бандарчык і інш.; рэд. тома А. С. Фядосік; уступ. арт. М. Я. Грынבלата]. Мінск: Навука і тэхніка.

Omakaeva, E. (2008). The Calendar Knowledge of Nomadic Peoples as Reflected in the Kalmyk Lexicon and Kalmyk Worldview. *International Conference "Nomadic Society and Intercultural Dialogue"*. Ulaanbaatar. 13.

Omakaeva, E. U. (2017). Tibetan, Mongolian, and Kalmyk Buddhist Calendars: Commonalities and Local Characteristics (Based on Astrological Manuscripts from Museums, Archives, and Private Collections in Russia, Mongolia, and China). *Historical and Cultural Connections between Mongolia and Tibet: First International Scientific Conference, Lanzhou, July 21–23, 2017* / Minzu University of China, Northwestern University of Nationalities. Lanzhou: Northwestern Minzu University. 240–241.

Omakaewa, E. U. (2025). Zeitcode im kalmückisch-buddhistischer Kalender: Zyklen und Zukunftsprognosen. *Nomadic Civilization: Historical Research*. Vol. 5, No. 4. 122–131. DOI 10.53315/2782-3377-2025-5-4-122-131.

Паэзія беларускага земляробчага календара (1992). / Акад. навук БССР, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору; [уклад., сістэматызацыя тэкстаў, уступ. арт. і камент. А. С. Ліса, народны календар падрыхтаваў У. А. Васілевіч; рэд. А.С. Фядосік; рэдкал.: В. К. Бандарчык і інш.]. Мінск: Навука і тэхніка.

Чарадзейныя казкі (1978). / Акад. навук БССР, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору; [склад.: К. П. Кабашнікаў, Г. А. Барташэвіч; рэдкал.: В. К. Бандарчык і інш.]. Мінск: Навука і тэхніка. 2.

Шамякіна, Т. І. (2005). *Славянская міфалогія: курс лекцый*. Т.І. Шамякіна. Мінск: РІВШ.

References

Bayburin, A. K. (1991). *Zhilishche v obryadakh i predstavleniyakh vostochnykh slavyan* [Dwelling in the Rituals and Beliefs of the Eastern Slavs]. Leningrad: Nauka.

Belarusian Land Calendar Paese (1992). / Acad. of Science of the BSSR, In-t mastatstvaznaŭstva, etnagrafii i fal'kloru; [uklad., sistematsyzatsiya tekstaŭ, ccess. art. i kament. A. S. Lisa, folk calendar padrykhtavaŭ U. A. Vasilevich; edited by A.S. Fyadosik; edited by V. K. Bandarchyk [and in English]. Minsk: Science and Technology.

Bogdanovich, A. E. (2009). *Perezhitki drevnego mirosozertsaniya u belorusov: etnogr. ocherk* [Vestiges of the Ancient Worldview of the Belarusians: An Ethnographic Essay] [Fax reproduction of the 1925 edition]. Moscow: Slava.

Bulgakovskiy, D. G. (1890). *The Pinchuks: An Ethnographic Collection: Songs, Riddles, Proverbs, Rituals, Signs, Prejudices, Beliefs, Superstitions, and Local Vocabulary / Collected in the Pinsk District of the Minsk Province by D. G. Bulgakovskiy; [edited by F. Istomin].* St. Petersburg: Printing House of V. Bezobrazov and Co.

Chalbanova K.V., Bicheev B.A. (2025). *Relikty drevnego kul'ta Solntsa v fol'klornoi i obryadovoi traditsii kalmykov* [Relics of the ancient cult of the Sun in the folklore and ritual traditions of the Kalmyks]. *Nauchnyi dialog*.14(1). 284–303.

Charadzeinyya kazki [Charadzeinyya fairy tales] (1978) / Akad. navuk BSSR, In-t mastatstviznaŭstva, ehnaŭgrafii i fal'kloru; [sklad.: K. P. Kabashnikaŭ, G. A. Bartashevich; rehdkal.: V. K. Bandarchyk i insh.]. Minsk: Navuka i tehkhnika. 2.

Eliade, M. (1999). *Ocherki sravnitel'nogo religiovedeniya* [Essays on Comparative Religion]: translated from English by M. Eliade; Responsible editor V. Ya. Petrukhin. Moscow: Ladomir.

Frolov, B. A. (1993). *Proiskhozhdenie kalendarya* [The Origin of the Calendar]. *The Calendar in the Culture of the Peoples of the World*. A Collection of Articles. Moscow: Nauka "Eastern Literature". 7–36.

Kassirer, E. (2002). *Filosofiya simvolicheskikh form* [Philosophy of symbolic forms]: in 3 volumes. Moscow; St. Petersburg: University Book. 2: Mythological thinking.

Katovich, A. V. (2020). *Ierafaniya mesyatsa yak strukturaŭtvaral'ny faktor paradkavannya chas* [The epoch of the month as the structure of the creative factor of the hour]. *Current trends in the development of information science: problems and prospects*: collection. Sci. prats [goal. ed. Yu. I. Kolisnyk-Gumenyuk]. Kiev–Lviv–Berezhany–Gomel. 7. 188–197.

Klimishin, I. A. (1985). *Kalendar' i khronologiya* [Calendar and chronology]. 2nd ed., revised and enlarged. Moscow: Nauka.

Kotovich, O. V. (2020). *Kosmos i vremya kul'tury: garmoniya otnoshenii Solntsa i Luny (aksiologicheskii aspekt)*. [Cosmos and Time of Culture: Harmony of the Relationship between the Sun and the Moon (axiological aspect)]. *Ethnic Culture in the Modern World: Proc. of the VI Int. Res. and Pract. Conf., dedicated to the 100th Anniversary of the Formation of the Chuvash Autonomous Region / Chuvash State Institute of Culture and Arts; ed. board L. P. Kurakov (ed.-in-chief) [et al.]. Issue 1. Cheboksary. 54–60.*

Kotovich, O. V., Kruk, Ya. (2019). *Sakral'nyi mir traditsii. 99 urokov narodnoi kul'tury* [The Sacred World of Tradition. 99 Lessons of Folk Culture]. Minsk: Education and Learning.

Legendy i padanni [Legends and Fallacies] (1983). [compiled by: M. Ya. Grynblat, A. I. Gursky; editorial: V. K. Bandarchyk and others; volume editor A. S. Fyadosik; assignment by M. Ya. Grynblat]. Minsk: Science and Technology.

Mify narodov mira [Myths of the Peoples of the World]: Encyclopedia in 2 volumes (1987). Ed.-in-chief S. A. Tokarev. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya. 1: A–K.

Mify narodov mira [Myths of the Peoples of the World]: Encyclopedia in 2 volumes (1988). Ed.-in-chief S. A. Tokarev. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya. 2: K–Ya.

Nefed'ev, N. (1834). *Podrobnye svedeniya o volzhskikh kalmykakh, sobrannye na meste* [Detailed information about the Volga Kalmyks, collected on site]. SPb.: Tip. Karla Kraiya.

Prostonarodnye primety i pover'ya, suevernye obryady, legendarnye skazaniya o litsakh i mestakh Vitebskoi Belorussii [Popular beliefs and superstitious customs, legendary tales about the people and places of Vitebsk Belarus] (1897). *Sobral v Vitebskoi Belorussii* N. Ya. Nikiforovskii, deistvitel'nyi chlen Imperatorskogo obshchestva lyubitelei estestvoznaniya, antropologii i ehnaŭgrafii i deistvitel'nyi chlen

Vitebskogo gubernskogo statisticheskogo komiteta [collected in Vitebsk Belarus by N. Ya. Nikiforovsky, full member of the Imperial Society of Lovers of Natural Science, Anthropology, and Ethnography and full member of the Vitebsk Provincial Statistical Committee]. Vitebsk: Gubernkaya Tipo-Litograf.

Omakaeva, E.U. (1993). Kul't nebesnykh svetil u kalmykov [The cult of heavenly bodies among the Kalmyks]. Tez. dokl. I Mezhdunar. konf. «Traditsionnye kul'tury i sreda obitaniya» (g. Moskva, 15–19 maya 1993 g.). Moskva. 150–153.

Omakaeva, E.U. (1999). Vremya i kalendar' v traditsionnoi kul'ture [Time and calendar in traditional culture]. Tez. dokl. Vseros. nauch. konf. «Mir kul'tury, istorii i filosofii» (g. Sankt-Peterburg, 30–31 oktyabrya 1999 g.). / Pod red. A.B. Ostrovskogo. SPb.: Lan'. 76–78.

Omakaeva, E. (2008). The Calendar Knowledge of Nomadic Peoples as Reflected in the Kalmyk Lexicon and Kalmyk Worldview. International Conference “Nomadic Society and Intercultural Dialogue”. Ulaanbaatar. 13

Omakaeva, E. U. (2017). Tibetan, Mongolian, and Kalmyk Buddhist Calendars: Commonalities and Local Characteristics (Based on Astrological Manuscripts from Museums, Archives, and Private Collections in Russia, Mongolia, and China). Historical and Cultural Connections between Mongolia and Tibet: First International Scientific Conference, Lanzhou, July 21–23, 2017 / Minzu University of China, Northwestern University of Nationalities. Lanzhou: Northwestern Minzu University. 240–241.

Omakaeva, E. U. (2025). Zeitcode im kalmückisch-buddhistischer Kalender: Zyklen und Zukunftsprognosen. *Nomadic Civilization: Historical Research*. Vol. 5, No. 4. 122–131. DOI 10.53315/2782-3377-2025-5-4-122-131.

Paehziya belaruskaga zemlyarobchaga kalendara (1992) / Akad. navuk BSSR, In-t mastatstvaznaŭstva, ehtnagrafii i fal'kloru; [uklad., sistehmatyzatsyya tekhstaŭ, ustup. art. i kament. A. S. Lisa, narodny kalendar padrykhtavaŭ U. A. Vasilevich; rehd. A.S. Fyadosik; rehdka.: V. K. Bandarchyk i insh.]. Minsk: Navuka i tehkhnika.

Shamyakina, T. I. (2005). Slavyanskaya mifalogiya: kurs lektsyi [Slavic Mythology: A Course of Lectures]. I. Minsk: RIVSh.

Shein, P. V. (1890). Materials for the Study of the Everyday Life and Language of the Russian Population of the North-Western Region: [in 3 volumes] / collected and organized by P. V. Shein. St. Petersburg, [1887–1902] (Printing House of the Imperial Academy of Sciences). 1. 2: Everyday and Family Life of a Belarusian in Rituals and Songs.

Slavyanskie drevnosti: ehtnolingvisticheskii slovar' v 5 t. [Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary in 5 Volumes] (1995) / Russian Academy of Sciences, Institute of Slavic and Balkan Studies; edited by N. I. Tolstoy. Moscow: International Relations. Vol. 1: A — G.

Slavyanskie drevnosti: ehtnolingvisticheskii slovar' v 5 t. [Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary in 5 Volumes] (2004) / Russian Academy of Sciences, Institute of Slavic and Balkan Studies; edited by N. I. Tolstoy. Moscow: International Relations. Vol. 3: K (Circle) — P (Quail).

Slavyanskie drevnosti: ehtnolingvisticheskii slovar' v 5 t. [Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary in 5 Volumes] (2009) / Russian Academy of Sciences, Institute of Slavic and Balkan Studies; edited by General editor N. I. Tolstoy. Moscow: International Relations. 4: P (Crossing the Road). S (Sieve).

The Magical Tale (1978) / Academy of Science of the BSSR, Institute of Mathematics, Ethnography and Folklore; [compiled by: K. P. Kabashnikov, G. A. Bartashevich; edited by: [V. K. Bandarchyk and others]. Minsk: Science and Technology. 2.

Tolstaya, S. M. (2005). *Polesskii narodnyi kalendar'* [Polesie Folk Calendar]. Moskva: Indrik.

Tolstoy, N. I. (2003). *Ocherki slavyanskogo yazychestva* [Essays on Slavic Paganism]. Moskva: Indrik.

Zyamlya stait's pasyarod svetu [The earth is a flock of the world] (1996). Uklad., pradm., peraklad, bibl. U. Vasilevicha [styling, prud., translation, bib. U. Vasilevich]. Minsk: Mast. lit. (Belaruskiya narodnyya prykmety i paver'i; kn.1.).

Zamovy (1992) / Academician Sciences of the BSSR, Institute of History, Ethnography and Folklore; [editor: V. K. Bandarchyk, K. P. Kabashnika, A. S. Fyadosik; lay., ledge. art. G. A. Bartashevich]. Minsk: Science and technology.

Zapiski IRGO po Otdeleniyu ehtnografii. XIII, 3 (1890): Pinchuki: Ehtnograficheskii sbornik: pesni, zagadki, poslovitsy, obryady, primety, predrassudki, pover'ya, suever'ya i mestnyi slovar' / sobral v Pinskome uezde Minskoi gubernii D.G. Bulgakovskii. SPb.: Tipografiya V. Bezobrazova i K^o.

Zhytstsya advechny lad (1998) / ukhad., pradm. i per. U. Vasilevicha. Minsk: Mast. Literatura. Belaruskiya narodnyya prykmety i paver'i. 2. [Literature. Belarusian folk traditions and beliefs]. 2.